# МЫСЛИ И ЗАМѢЧАНІЯ

О

## ПЛАНѢ ОТСТУПЛЕНІЯ РУССКИХЪ ВОЙСКЪ ВНУТРЬ ИМПЕРІИ ПРИ НАШЕСТВІИ НАПОЛЕОНА,

ИЗЛОЖЕНОМЪ Г. БОГДАНОВИЧЕМЪ

въ его «Исторіи Отечественной войны 1812 г., по достовѣрнымъ источникамъ. Спб. 1859—1860 года, 3 тома.»

---

Описаніе войны 1812 года занимало уже, кромѣ весьма многихъ иностранныхъ сочинителей, особенно двухъ нашихъ военныхъ историковъ: Бутурлина и Михайловскаго-Данилевскаго. И тотъ и другой были современниками, очевидцами описываемой поры. Первый былъ Флигель-Адъютантомъ, послѣдній служилъ сперва при Штабѣ Князя Кутузова, а потомъ тоже Флигель-Адъютантомъ Императора Александра I-го.

Книга Бутурлина: «Исторія нашествія Императора Наполеона на Россію въ 1812-мъ году,» написанная на Французскомъ языкѣ, вскорѣ послѣ окончанія войны, замѣчательна, какъ первое у насъ достовѣрное сочиненіе объ Отечественной войнѣ, заключающее въ сжатомъ изложеніи полноту главнѣйшихъ, преимущественно военныхъ, событій. Оно отличается вѣрностію воззрѣнія, строгимъ безпристрастіемъ, основательностію сужденій и выводовъ, и занимаетъ, по достоинству, почтенное мѣсто между твореніями талантливыхъ Европейскихъ военныхъ писателей.

Трудъ Михайловскаго-Данилевскаго: «Описаніе Отечественной войны 1812 года, по Высочайшему повелѣнію,» какъ болѣе подробное историческое повѣствованіе, написанное съ увлекательнымъ краснорѣчіемъ и одушевленное теплотою патріотическаго чувства, имѣлъ счастіе сдѣлаться любимою книгою большинства читающихъ соотечественниковъ, которымъ близки къ сердцу и бѣдствія и слава Отечества въ ту знаменитую годину. Наглядное изученіе сочинителемъ главнѣйшихъ историческихъ дѣятелей и самыхъ дѣяній составляетъ незамѣнимое преимущество этого описанія. Первое изданіе его было въ 1839 году. И если съ того времени многое выяснилось появленіемъ новыхъ источниковъ, то, конечно, нельзя же этого обстоятельства ставить нынѣ какъ бы въ вину, или въ ущербъ, сущности цѣлаго, своевременно вышедшаго, произведенія.

Сочиненіе Г. Богдановича: «Исторія Отечественной войны въ 1812 году, по достовѣрнымъ источникамъ,» напечатанное въ 1859 году, какъ новѣйшее по времени, должно, стало быть, имѣть на своей сторонѣ много преимуществъ, которыхъ лишены были предшествовавшіе ему писатели. Но, при всей выгодѣ такого положенія для новѣйшаго историка, громадность и важность историческаго предмета, обиліе разнообразныхъ подробностей, все это еще невполнѣ обнято, исчерпано и выражено, такъ что великая картина исторической жизни того времени не закончена и все еще ждетъ живой, широкой кисти будущаго первокласнаго бытописателя художника. Это болѣе всѣхъ ощутительно и желательно для насъ, Русскихъ. За нами, конечно, и остается рѣшеніе этой задачи въ будущемъ. И дѣйствительно, кто, даже изъ враговъ нашихъ, по справедливости, не согласится, что, кромѣ величайшей важности мироваго значенія, событія 1812 года составляютъ предметъ исключительно драгоцѣнный для Русскаго сердца, для чести и славы Русскаго имени? Православный Царь и народъ Русскій послужили послѣднимъ оплотомъ угнетенному человѣчеству образованнаго міра, единодушно ставъ лицомъ къ лицу въ бой на жизнь и на смерть противъ разрушительнаго стремленія геніальнаго воителя, увлекшагося исполинскою идеею всемірнаго владычества. Насильно собравъ вокругъ своей грозной личности почти всѣ народы разноплеменной Европы, ихъ раболѣпными силами, невольно

сдвинутыми вмѣстѣ съ Франціею въ громадномъ вооруженномъ нашествіи на Россію, Наполеонъ думалъ поработить, или глубоко унизить, и наше отечество.

Такова была цѣль его. Чего же мы должны искать въ этомъ новѣйшемъ сочиненіи Г. Богдановича, и что именно должно составлять положительное достоинство новѣйшаго историческаго сочиненія?

Конечно, не новые взгляды и вопросы, часто по произволу поднимаемые писателями, вообще не новизна, которой, по видимому, дается мѣсто первопланной важности самимъ Г. Богдановичемъ (Предислов. стран. VIII), но истина, ясно сознанная и ясно высказывающаяся сама собою въ точно передаваемыхъ событіяхъ, независимо отъ личныхъ убѣжденій, догадокъ и выводовъ сочинителя, часто образующихся не на исторической даже почвѣ и не проникнутыхъ логическою послѣдовательностію, но живость, вѣрность и безпристрастіе въ изображеніи историческихъ личностей, т. е., ихъ свойствъ, характеровъ, и дѣйствій, точно также какъ и ясное изображеніе окружающей среды, въ которой имъ было суждено и жить и дѣйствовать, но даръ вѣрно понимать, правдиво выражать поводы и причины по чему именно должны были такъ, а не иначе, совершаться извѣстныя событія и ихъ послѣдствія, въ извѣстную пору, въ изображаемое мгновеніе, и наконецъ умѣнье воспроизводить въ словѣ и живописать предъ глазами читателя существенныя черты событія, образы и слова самихъ дѣятелей: вотъ что, мнѣ кажется, должно составлять истинное достоинство, и вотъ чего долго искать и требовать отъ современнаго историрическаго сочиненія. Кстати, сдѣсь любопытно припомнить, что, съ выходомъ въ свѣтъ книги Г. Богдановича, явились и критическія на нее статьи въ №№ 51, 54, 58 и 68 «Московскихъ Вѣдомостей» 1860 года. Но этѣ самыя статьи, смѣло можно сказать, отличаются оригинальною, едва ли понятною, странностью возрѣнія вообще на новѣйшую исторію Россіи и на Русскихъ историковъ. Онѣ какъ бы гармонируютъ съ сущностію разбираемаго сочиненія въ непослѣдовательности, разнорѣчіи и парадоксальности сужденій и выводовъ, какъ это сейчасъ увидимъ.

«Не сознавая и не требуя въ наше время много трудовъ для изображенія судебъ Россіи въ XVIII и XIX вѣкѣ, освобождая

историка отъ всякаго таланта живо и мѣтко изображать характеры и событія, отъ глубокомысленныхъ соображеній и замѣтокъ» (стат. № 51), критикъ Г. Богдановича довольствуется уже и тѣмъ, «если въ подобномъ сочиненіи послышится ему нѣсколько болѣе правды, чѣмъ онъ привыкъ ее слышать до сихъ поръ»... (?!) Обнародованіе новыхъ документовъ признается качествомъ. Освобожденіе какого либо событія отъ риторическихъ (лживыхъ) (?) прикрасъ, тоже качествомъ, а талантъ—капиталомъ, который по произволу можно потратить въ большей и меньшей степени на сочиненіе... За предостереженіемъ «отъ недолжнаго заключенія, чтобы достоинство книги Г. Богдановича заключалось лишь въ обнародованіи имъ дотолѣ вовсе неизвѣстныхъ, или малоизвѣстныхъ публикѣ, многочисленныхъ и самобытныхъ документовъ,» слѣдуетъ у критика его убѣжденіе, что «за Г. Богдановичемъ остатся возможность смѣло сказать, что предположенная имъ задача (какая же именно?) исполнена съ талантомъ и рѣдкою, на сколько можно было, добросовѣстностью (?), хотя, конечно, въ сочиненія его и нельзя почерпнуть полнаго понятія о ходѣ войны 1812 года, по односторонности взгляда изъ Русскаго лагеря, съ Русской точки зрѣнія.» Каковымъ же въ этомъ выводѣ оказывается исполненіе задачи, строкою выше столь торжественно провозглашенное критикомъ? Положительно утверждая, что слогу его, Г. Богдановича, недостаетъ образности и живости, недостатки, въ слѣдствіе которыхъ, особенно при описаніи сраженій, сбивается онъ на офиціяльный слогъ реляцій, и критикъ Г. Богдановича указываетъ на отрицательныя какія-то его достоинства: «Но за то въ книгѣ нѣтъ ложнаго и притворнаго паѳоса (?), за то книга проникнута повсюду взглядомъ образованнаго человѣка (?), усвоившаго себѣ должное безпристрастіе въ отношеніи къ нашимъ врагамъ, и на ней лежитъ печать внимательнаго и добросовѣстнаго труда, благодаря каковому соединенію качествъ,» т. е., что изъ сочиненія нельзя почерпнуть полнаго понятія о ходѣ войны 1812 года, и по недостаткамъ образности и живости въ слогѣ, высказано критикомъ заключеніе: «война 1812 года является предъ читателями, особенно предъ знакомыми съ нею лишь по описанію Генералъ-Лейтенанта Михайловскаго-Данилевскаго, въ совершенно новомъ видѣ и съ инымъ характеромъ (!!!)»... Но въ чемъ же именно заключается это

чрезвычайно любопытное и важное историческое открытіе, т. е., этотъ совершенно новый видъ и этотъ совершенно иной характеръ войны 1812 года? Въ какихъ главнѣйшихъ общихъ чертахъ событія, или въ частныхъ положеніяхъ, и по чему все это усматривается въ сравненіи съ сочиненіемъ Михайловскаго-Данилевскаго, рѣшительно не объяснено ни однимъ словомъ. Такое заключеніе въ критической статьѣ естественно представляется какъ бы вызовомъ на задачу для всѣхъ прежнихъ многочисленныхъ читателей Михайловскаго-Данилевскаго имѣть и прочесть и это новѣйшее сочиненіе Г. Богдановича.

Означенныхъ критическихъ статей четыре. Вовсе забывъ мудрое правило, что «во многомъ глаголаніи нѣсть спасенія!» истощивъ велерѣчивый запасъ собственныхъ воззрѣній, намековъ и выводовъ, постороннихъ сущности дѣла и часто противорѣчащихъ между собою, наконецъ критикъ приглашаетъ читателя «посмотрѣть, какимъ образомъ разрѣшены Г. Богдановичемъ вопросы, остававшіеся до сихъ поръ спорными, или сомнительными.

Какіе же это собственно вопросы, или пункты? Первый изъ нихъ опредѣлительно обозначенъ у критика, а объ остальныхъ трехъ только можно догадываться. Въ 1 статьѣ: планъ отступленія Русскихъ внутрь Россіи; въ слѣдующихъ же статьяхъ, по видимому, дѣло идетъ, во 2-й о Барклаѣ де Толли, въ 3-й о Кутузовѣ, и въ 4-й о томъ, такъ отозвалось Русское общество на непріятельское нашествіе. Вотъ въ этѣхъ-то четырехъ пунктахъ, по указанію критика Г. Богдановича, и заключается величайшая важность и отличительный характеръ разбираетой имъ книги. Стало быть, сдѣсь-то, наконецъ, и находитъ онъ новый видъ и иной характеръ войны 1812 года.

Обратимся теперь къ самой книгѣ Г. Богдановача.

Съ 1-й строки своего «Предисловія» къ «Исторіи Отечественной войны 1812 года» самъ Г. Богдановичъ «предлагаетъ на судъ своихъ соотечественниковъ составленное имъ описаніе Отечественной войны.» Слова: «исторія» и «описаніе» берутся ли сочинителемъ безразлично, или онъ полагаетъ разницу въ ихъ сущности? По видимому, полагаетъ, когда озаглавилъ книгу: «Исторіею войны»,

въ отличіе, конечно, отъ «Описанія войны» Михайловскаго-Данилевскаго... О предшествовавшихъ ему, Г. Богдановичу, историкахъ, поименованныхъ имъ лишь Генералами, Бутурлинѣ и Михайловскомъ-Данилевскомъ, онъ отозвался такъ: «Отдавая должную справедливость ихъ трудамъ, я, однако жъ, убѣдился, что многіе изъ любопытнѣйшихъ документовъ войны 1812 года не были имъ извѣстны.» Что же именно этѣмъ хотѣлъ выразить онъ? Охарактеризована ли сдѣсь сущность ихъ трудовъ? Или скорѣе, не значитъ ли все это, что въ окончательномъ выводѣ о нихъ нѣтъ ни чего сказать положительнаго? Они трудились, да и только! И ежели самое любопытнѣйшее имъ не было извѣстно, то, стало быть, они «вотще трудишася»!... Въ слѣдъ за тѣмъ, Г. Богдановичъ поясняетъ, что «Исторія войны, основанная на критическомъ изслѣдованіи событій, можетъ представлять болѣе пользы и занимательности военному и не военному читателю, нежели разсказъ, изъ котораго нельзя видѣть ни характера дѣйствователей, ни причинъ, побуждавшихъ ихъ къ излагаемымъ (кѣмъ же?) дѣйствіямъ.» Кто этого, конечно, не знаетъ, и кто станетъ противъ этого спорить? но такое изложеніе сдѣсь, по отношенію къ предшествовавшимъ Г. Богдановичу историкамъ, представляется какъ бы прямымъ упрекомъ и, очевидно, уже противорѣчитъ отдаваемой имъ за нѣсколько строкъ выше справедливости. И наконецъ Г. Богдановичъ выводитъ рѣшительное заключеніе, что «ни одно изъ множества иностранныхъ сочиненій о войнѣ 1812 года не соотвѣтствуетъ важности предмета, ни современному состоянію науки (?), и, такимъ образомъ, въ нашей военной исторіи существуетъ пробѣлъ, который должны пополнить наши военные писатели. Въ особенности же описаніе этой войны, составленное съ надлежащимъ (?) безпристрастіемъ, необходимо въ настоящее время, когда появились въ свѣтъ сочиненія, заключающія въ себѣ изслѣдованіе событій 1812 года, не всегда основанное на истинѣ» (Предисл. стр. III, IV). Сдѣсь очевидно Г. Богдановичъ разумѣетъ уже собственное сочиненіе восполняющимъ собою всѣ недостатки предшествовавшихъ ему историковъ и замѣняющимъ исключительно собою все прежде написанное, до того несостоятельное и ничтожное въ его воззрѣніи, что оно названо пробѣломъ, который, стало быть, и уничтожается съ появленіемъ въ свѣтъ настоящаго

сочиненія, предлагаемаго и на судъ соотечественниковъ, «приглашаемыхъ имъ «слѣдить за истиною его историческаго разсказа и повѣрять его достовѣрностію источниковъ, служившихъ ему основаніемъ» (Предисл. стр. VII).

Воспользуемся такимъ приглашеніемъ и даннымъ отъ него правомъ. Возьмемъ, на примѣръ, этотъ выставленный его критикомъ (№ 51-й «Москов. Вѣдом.» 1860 г.), первый вопросъ о планѣ отступленія Русскихъ войскъ отъ границъ внутрь Имперіи, такъ какъ и самъ Г. Богдановичъ отмѣчаетъ его «подъ № 1-мъ въ числѣ того, что именно новаго найдутъ читатели въ его сочиненіи,» поясняя при томъ, что «у него посвящена цѣлая глава происхожденію и развитію этого плана дѣйствій, вопреки всѣмъ историкамъ войны 1812 года, изъ которыхъ одни отрицаютъ существованіе какого либо заранѣе обдуманнаго плана, другіе же говорятъ о немъ вскользь, либо искажаютъ истину» (Предислов. стр. VIII).

Г. Богдановичъ, не обинуясь, приписываетъ Барклаю де Толли самое первоначальное составленіе этого плана, и при томъ еще за долго до войны 1812 года, точно также, какъ и главное исполненіе на дѣлѣ этого соображенія. Это свое воззрѣніе сочинитель положительно основалъ на приводимыхъ имъ, въ убѣдительное тому доказательство, словахъ, влагаемыхъ въ уста Барклая. Г. Богдановичъ пишетъ такъ: «Давно уже онъ (Барклай) увѣренъ былъ въ необходимости отступать, для ослабленія непріятельской арміи, и это убѣдительно доказывается словами, имъ сказанными знаменитому историку Нибуру, въ то время, когда Барклай, будучи раненъ, въ сраженіи подъ Прейсишъ - Эйлау, 1807 года, лежалъ на одрѣ болѣзни въ Мемелѣ.» «Если бы мнѣ довелось воевать противъ Наполеона въ званіи Главнокомандующаго, говорилъ тогда Барклай, то я избѣгалъ бы генеральнаго сраженія и отступалъ до тѣхъ поръ, пока Французы нашли бы, вмѣсто рѣшительной побѣды, другую Полтаву» (т. I, гл. V, стран. 104, и примѣч. 8, стр. 485).

Когда же было это? Давно! Если оно относится у него только и къ 1807-му году, когда Барклай, раненый подъ Эйлау, лежалъ еще въ Мемелѣ, то самыя слова взяты имъ у позднѣй-

шаго Французскаго писателя, Генералъ-Лейтенанта Дюма, и приписываются лишь къ сказаннымъ тогда Барклаемъ Нибуру, при свиданіи. Отъ Нибура они переданы, будьто бы, Прусскому Министру Штейну, отъ Штейна сообщены Генералу Кнезебеку, а отъ Кнезебека уже Вольцогену и Фулю (?)... (Тамъ же.).

Но извѣстно, что изъ поименованныхъ лицъ, Вольцогенъ, еще въ Августѣ 1810 года, представилъ, чрезъ Князя П. М. Волконскаго, свои соображенія, а Кнезебекъ только въ началѣ 1812 года передалъ ту же мысль Государю Императору Александру I-му. Планъ же Фуля, дѣйствительно принятый за основаніе военныхъ дѣйствій и приводимый въ исполненіе (съ переходомъ Наполеона чрезъ Нѣманъ, тутъ же вскорѣ, впрочемъ, оказавшійся несостоятельнымъ на дѣлѣ, съ своимъ дурно избраннымъ, укрѣпленнымъ Дрискимъ, лагеремъ), вовсе не составлялъ собою совершеннаго отступленія отъ границъ внутрь Имперіи, но предполагалъ лишь способъ войны оборонительной, съ наведеніемъ, такъ сказать, Наполеона на этотъ лагерь, долженствовавшій заключить въ себѣ 1-ю нашу армію, отступившую, а 2-ою арміею и Казаками Платова, напротивъ, даже назначалъ атаковать Наполеона во флангъ и тылъ, при его наступленіи на 1-ю армію.

На чемъ же именно основалъ Г. Богдановичъ достовѣрность своего столь рѣшительнаго мнѣнія, что всѣ упомянутыя выше, взятыя изъ Дюма, слова Барклая были именно такъ имъ сказаны и непремѣнно передавались (какъ бы по телеграфу, котораго, впрочемъ, тогда еще не существовало) отъ одного лица другому, когда именно и при какихъ обстоятельствахъ происходила такая передача? Да и отъ чего бы могло казаться столь поразительнымъ тогда это, какъ новая, безспорная и непреложная истина, что Наполеона можно побѣдить лишь отступленіемъ? По чему бы всѣ единогласно, такъ сказать, ухватились за эту единственно спасительную мысль, которой, впрочемъ, сущность, и въ приведенномъ выраженіи Барклая, не представляла собою еще ни чего опредѣлительно яснаго, ни чего безусловно убѣдительнаго и положительно вѣрнаго?... Все это рѣшительно ни чѣмъ не доказано, и если достовѣрно извѣстно, то развѣ только исключительно самому сочинителю, а для читателей, конечно, остается загадочнымъ и сомнительнымъ. И даже естественно ли предполагать

о томъ, какъ придется дѣйствовать, пять лѣтъ спустя, въ будущемъ, или же допустить такую неподвижность мысли, родившейся за пять лѣтъ прежде и остающейся безъ измѣненія? Другими словами: возможно ли представить и утверждать, что Барклай убѣжденъ былъ въ 1807 году въ необходимости отступать и въ 1812 году? Или въ1812 году дѣйствовать по предположенію 1807 года? (томъ I, гл. V, стран. 104 и 105).

Г. Богдановичъ, заявляя (Предислов. стр. 5), что «Генералъ Михайловскій-Данилевскій впалъ во многія ошибки,» но не указывая тутъ, въ какія именно, конечно, ни чего еще не доказываетъ и ни кого не убѣждаетъ въ этомъ однимъ такимъ общимъ отзывомъ, точно также, какъ и въ своемъ настоятельномъ мнѣніи, что Барклай есть первоначальный, за долго до войны 1812 года, составитель плана отступленія, сказавъ лишь, что «это доказывается, какъ историческими фактами, такъ и документами, хранящимися въ нашихъ Государственныхъ Архивахъ» (т. I, глав. VIII, стр. 94), безъ объявленія: какія же именно, по его разумѣнію, тѣ факты и какіе именно документы? Онъ вообще, предоставляя все это опредѣлить самому читателю, какъ будьто избавляетъ себя отъ труда и отвѣтственности, но въ сущности подрываетъ лишь довѣренность къ самому себѣ, не назвавъ достовѣрныхъ источниковъ, въ подтвержденіе такихъ своихъ положеній. Мнѣ кажется, подъ историческими фактами сочинитель разумѣетъ сдѣсь: самое отступленіе, а подъ хранящимися въ Архивахъ документами: Записку, поданную, по выраженію его, въ послѣдствіи Барклаемъ де Толли (т. I, Прилож. къ главѣ V, стр. 486). * А это въ послѣдствіи, нужно припомнить, было уже послѣ Бородина, по отъѣздѣ Барклая изъ арміи, и эта его Записка служила тогда какъ бы оправданіемъ его же собственныхъ дѣйствій.

---

* Напечатана въ Русскомъ переводѣ въ 4 кн. «Чтеніи въ Импер. Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ 1858 года, Отд. II, стр. 1—32. Нѣмецкій подлинникъ, собственноручно исправленный сочинителемъ (Барклаемъ), хранится въ Архивѣ В. Т. Депо, Русскій же переводъ въ Секретномъ Архивѣ Департ. Генер. Штаба, какъ показываетъ Г. Богдановичъ (т. III, стр. 528). Изъ Записки Барклая въ «Исторіи Отечественной войны 1812 года» помѣщено сочинителемъ только небольшое «извлеченіе» (т. I, стр. 486—490). О. Б.

вполнѣ совершившихся, а не предполагаемыхъ еще къ осуществленію. Слѣдовательно, сдѣсь очевидна огромная разница въ значеніи такого историческаго документа, приводимаго сочинителемъ въ подтвержденіе своей мысли, касавшейся еще будущаго плана отступленія, и ея, конечно, ни какъ нельзя подтверждать фактами, уже совершившимися въ послѣдствіи. При всей прямотѣ и честности характера, при всей чистотѣ совѣсти и правотѣ дѣйствій Барклая, самое тогдашнее его положеніе вынуждало его въ своей Запискѣ изложить нѣкоторые факты и мысли подъ невольнымъ вліяніемъ глубокаго душевнаго огорченія, даже съ пристрастіемъ и горечью противъ своего маститаго преемника, славнаго и исторически народнаго героя того времени, Князя Кутузова.

Г. Богдановичъ, изъ понятнаго, впрочемъ, патріотизма, силится удостовѣрить, что планъ отступленія не принадлежитъ иностранцамъ, но что онъ еще давно, первоначально создался въ головѣ Барклая. Это заключеніе, какъ мы видѣли, онъ прямо выводитъ изъ тѣхъ, взятыхъ имъ у Дюма, словъ Барклая, сказанныхъ имъ при свиданіи съ Нибуромъ и, будьто бы, потомъ осуществившихся въ военныхъ планахъ, по передачѣ ихъ нѣсколькими лицами отъ одного другому (т. I, гл. V, стран. 94, 104 и 105). Но стоитъ лишь припомнить, что изъ числа обдуманныхъ и полныхъ, письменно выраженныхъ, соображеній, самыя лучшія и зрѣлыя мысли являются въ планахъ, сочиненныхъ Графомъ Д'Алонвилемъ (Французскимъ выходцемъ), и нашимъ Толемъ. Но ни тотъ, ни другой вовсе не вошли у Г. Богдановича въ списокъ тѣхъ лицъ, чрезъ посредство которыхъ, по мнѣнію его, происходила выше приведенная передача другъ другу Мемельскихъ словъ Барклая. Какъ же сочинителю управиться съ этѣмъ обстоятельствомъ? Очень просто: лучше всего онъ нашелъ оставить его вовсе безъ объясненія...

Сдѣсь мимоходомъ нельзя не указать на то странное обстоятельство, что планъ Графа Д'Алонвиля, представленный Императору Александру I-му, чрезъ посредство Адмирала П. С. Мордвинова, въ Генварѣ 1812 года, рѣшительно приписанъ уже вышесказаннымъ критикомъ Г. Богдановича лично самому Адмиралу, Графу Мордвинову, между тѣмъ какъ и приведенныя въ статьѣ критика слова не что иное, какъ буквальный переводъ съ

Французскаго подлинника плана Графа Д'Алонвиля.... (т. I, глав. V, стр. 94 и 95, и стат. въ № 51, стран. 398 «Москов. Вѣдом.» 1860 г.).

При всемъ высокомъ уваженіи къ достославной памяти Барклая, кто же не пойметъ и не увидитъ, что вообще сдѣсь лишь явная натяжка и, выражаясь юридическимъ терминомъ, голословное показаніе со стороны сочинителя? Иначе, что же бы помѣшало Барклаю, съ 1807 года, имѣя еще впереди много времени, обдумать и самому развить свои мысли въ обстоятельно опредѣленномъ, письменномъ изложеніи, подобно другимъ военнымъ писателямъ? Такого документа не было и нѣтъ!... Записка, поданная имъ въ послѣдствіи, какъ уже выше объяснено, есть документъ, не предшествовавшій, ни даже современный нашествію Наполеона, а изъясненіе, написанное Барклаемъ послѣ Бородина; слѣдовательно, есть выраженіе дѣйствій уже совершившихся, а не предполагаемыхъ еще къ осуществленію, мнѣніе о фактахъ прошедшихъ, а не будущихъ, Нельзя же, вѣдь, наконецъ все это, по произволу, безъ личнаго свѣдѣтельства о себѣ самаго Барклая, объяснять лишь тѣмъ крайнимъ воззрѣніемъ, что «ни Барклай, ни кто другой не отваживались подать голосъ о необходимости отступленія отъ границъ, чтобы не быть сочтену за такое мнѣніе измѣнникомъ,» и что «Барклаю не оставалось ни чего болѣе, какъ скрывать отъ всѣхъ, и даже отъ старшихъ Генераловъ, необходимость отступленія?...» (т. I, глав. VI, стран. 108). Но возможно ли скрывать необходимость отступленія, да при томъ еще отступая безпрестанно, обѣими арміями, и отступая болѣе 750-ти верстъ?... Не проще ли и вѣрнѣе, мнѣ кажется, объяснять событіе отступленія Русскихъ, въ 1812 году, внутрь Имперіи, тѣмъ, что лучшіе умы того времени, озабоченные приближавшеюся грозою страшнаго нашествія, подъ предводительствомъ геніальнаго, непобѣдимаго дотолѣ, вождя, сокрушившаго одну за другою столько армій, стоявшаго во главѣ полумилліона вооруженныхъ силъ Франціи и почти цѣлой Европы, были сильно заняты изысканіемъ способовъ обороны и, если можно, сокрушенія столь грознаго воителя? Не естественнѣе ли и ближе къ истинѣ полагать, что разные мыслители, взвѣшивая въ мысляхъ огромныя силы вторгающагося против-

ника, соразмѣряя ихъ съ собственными, несравненно меньшими, силами и средствами, и будучи убѣждены при томъ тяжкими опытами въ его высокомъ геніи, естественно могли сойтись въ одной общей мысли: избѣгать сначала генеральнаго сраженія (которымъ Наполеонъ обыкновенно спѣшилъ съ перваго раза, съ свѣжими силами, сокрушить противника и рѣшить задачу войны), и отступать, постепенно разстроивая и истощая страшныя силы пылкаго противника? И эта мысль тѣмъ естественнѣе, что представляетъ общій выводъ и коренное правило военнаго искуства: не дѣлать именно того, чего желалъ бы отъ насъ противникъ.

Мнѣ кажется, даже вовсе ошибочно именовать отступленіе Русскихъ въ 1812 году внутрь Имперіи словомъ «планъ отступленія.» По тому что слово «планъ,» какъ мы привыкли, и какъ дѣйствительно должно, понимать это слово, не соотвѣтствуетъ, и даже противорѣчитъ, какъ дѣйствительности, такъ и многимъ положеніямъ самаго сочинителя, что видно будетъ ниже. Планъ выражаетъ точное, совершенно ясное и опредѣлительное назначеніе къ исполненію въ цѣломъ и въ подробностяхъ. По плану отступать!—Но куда же именно? По какой дорогѣ отступать, до какого пункта, гдѣ и съ какою цѣлію наконецъ остановиться? Не возможно же побѣдить однимъ лишь отступленіемъ! И въ единственныхъ, приведенныхъ изъ Дюма, слышанныхъ, будьто бы, бывшимъ Барклаевымъ Адъютантомъ, Левенштерномъ, столь высоко цѣнимыхъ сочинителемъ, словахъ Барклая, все же выражалась мысль: отступать до другой Полтавы, то есть: конецъ концовъ—все же до рѣшительной генеральной битвы! Но если, съ оставленіемъ дѣйствительно принятаго плана Фуля, вовсе не плана отступленія, не было въ виду ни избраннаго пути, ни опредѣленнаго пункта отступленія, то какой же это былъ планъ, можно ли называть это собственно опредѣленнымъ планомъ, и наконецъ, гдѣ же именно тутъ планъ отступленія Барклая?

Но когда, точнѣе, замѣнимъ слово «планъ» словомъ «сознанная мысль и необходимость отступленія, тогда мы станемъ на твердую историческую почву, и пойдемъ по истинному пути. Очевидно, это была мысль общая, а не одного Барклая, которому Г. Богдановичъ приписываетъ исключительный первопочинъ. Го-

раздо вѣрнѣе понимать эту мысль, какъ общій выводъ сознанной и опытомъ и разумомъ истины, какъ слѣдствіе естественной необходимости. Конечно, и самыя убѣжденія Барклая точно также долженствовали быть основаны на предшествовавшихъ собственныхъ опытахъ въ войнахъ съ Наполеономъ. Личныя свойства и положеніе Барклая: строжайшая осторожность и хладнокровіе, самое его, столь быстрое и не въ очередь, возвышеніе въ Главнокомандующіе, предпочтительно предъ старшими по службѣ Генералами, его Нѣмецкое происхожденіе, неумѣнье говорить съ солдатомъ и непопулярность въ Россіи; наконецъ, сознаніе величайшей важности возложенныхъ на него обязанностей и отвѣтственности предъ Государемъ, Россіею и Исторіею: все это вмѣстѣ заставляло Барклая неуклонно слѣдовать ходу обстоятельствъ, и тѣмъ менѣе позволяло ему въ дѣйствіяхъ присвоять себѣ положительный починъ. А по тому-то не можно и не должно превозносить, такъ называемый, «планъ отступленія,» какъ бы созданіе отдѣльной личности, выставлять лишь Барклая, какъ единственнаго виновника и осуществителя такого плана отступленія, съ цѣлію, по словамъ критика книги Г. Богдановича, заманить непріятеля внутрь Имперіи.

Въ извѣстный моментъ исторической жизни нашего Отечества, именно хладнокровный и непоколебимый Барклай съумѣлъ выполнить, выпавшую на его долю, великую отрицательную задачу: не дать себя разбить пылкому и геніяльному Наполеону, на неизмѣримомъ протяженіи неизбѣжнаго отступленія. И вотъ здѣсь-то истинная и безсмертная заслуга Барклая предъ Отечествомъ, и съ этой вѣрной точки зрѣнія становится удобопонятенъ дѣйствительный героизмъ нашего вѣнчаемаго исторіею военачальника.

И такъ мы, кажется, не погрѣшимъ противъ исторической истины, ни противъ народнаго чувства, и ни сколько не умалимъ великой славы нашего любезнѣйшаго Отечества, если положительно скажемъ, что не задуманный и приводимый въ исполненіе планъ, но что именно была естественная необходимость отступленія Русскихъ, въ 1812 году, внутрь Имперіи!.... И эта необходимость обусловливалась неотвратимымъ ходомъ обстоятельствъ: страшно обаятельнымъ вліяніемъ Наполеона на умы современниковъ; первопочиномъ громаднаго во-

оруженнаго вторженія, при неизвѣстности времени и мѣста, когда, гдѣ и куда оно послѣдуетъ; чрезвычайною растянутостію нашихъ войскъ покорпусно, на огромномъ, восьмисотверстномъ, пространствѣ вдоль западныхъ границъ Имперіи; внезапностію и быстротою совершенной Наполеономъ въ одну ночь переправы чрезъ Нѣманъ болѣе 200 т. войскъ; убѣжденіемъ въ несостоятельности и опасности принятаго у насъ къ исполненію плана Фуля, тотчасъ же долженствовавшаго быть оставленнымъ; направленіемъ превышающихъ наши силъ Наполеона, для преслѣдованія каждой изъ обѣихъ нашихъ армій и для разобщенія ихъ между собою, съ опасностію отдѣльнаго пораженія. Такъ что, по всему этому, явно выступаетъ на видъ первѣйшая и единая задача, съ переходомъ Наполеона чрезъ Нѣманъ въ предѣлы Россіи, состоявшая для насъ, не въ приведеніи въ дѣйствіе какого-то давно опредѣленнаго и прославляемаго плана отступленія, для заманки непріятеля, какъ бы обязывавшагося подчиняться и содѣйствовать въ исполненіи такой предвзятой нами цѣли, но заключавшаяся именно въ томъ, что нужно было скорѣе, какъ только можно, соединиться обѣимъ нашимъ арміямъ: 1-й со 2-ю. И какъ уже и планъ Фуля вовсе не годился, съ его покинутымъ Дрисскимъ лагеремъ, равно и въ слѣдъ за тѣмъ принятое, не новое, конечно, или противоположное тому плану, рѣшеніе: «отступать той арміи, которая будетъ болѣе угрожаема, а другой съ Казаками Платова ударить во флангъ и тылъ непріятеля,» тоже оказалось непримѣнимымъ въ исполненіи: то весьма понятно, что стали отступать по естественной, неизбѣжной, необходимости, а не по ранѣе задуманному систематическому плану. Самъ же Г. Богдановичъ, наконецъ, это положительно уже и подтверждаетъ, говоря: «Такимъ образомъ планъ Фуля былъ устраненъ и, вмѣсто расположенія одной изъ армій въ укрѣпленной позиціи, между тѣмъ какъ другая дѣйствовала бы на сообщенія непріятеля, положено было: отступать, съ цѣлію соединенія обѣихъ армій» (т. I, глав. VII, стран. 172). Слѣдовательно, къ чему же теперь всѣ прежнія настоянія и натяжки сочинителя, что планъ отступленія есть первоначальное изобрѣтеніе Барклая, и что онъ-то именно и приводился въ исполненіе имъ же самимъ, по давнему убѣжденію, да еще и съ особымъ условіемъ: «отъ всѣхъ скрывать его?»... И

эта-то важнѣйшая задача соединенія нашихъ армій усложнялась тогда сильно поддерживаемымъ со стороны непріятеля разобщеніемъ ихъ, которое, по данному Наполеономъ направленію, происходило сперва по линіямъ, расходящимся едва не подъ прямымъ угломъ одна отъ другой, такъ что Наполеонъ считалъ уже соединеніе нашихъ армій не возможнымъ, выражаясь объ этомъ съ извѣстнымъ своимъ ѣдкимъ лаконизмомъ: «Теперь Багратіонъ съ Барклаемъ уже больше не увидятся!» Но цѣль этой самой важнѣйшей тогда задачи, соединенія армій, съ неимовѣрными усиліями самоотверженія, едва, едва наконецъ могла быть достигнута обходами, и то уже предъ Смоленскомъ, когда войска должны были пройти, послѣ тщетной попытки Багратіона пробиться на проломъ, подъ Салтановкою, вообще огромнѣйшее пространство, болѣе 750 верстъ... Не ясно ли же до очевидности, что это, дѣйствительно знаменитое и безпримѣрное, отступленіе Русскихъ, не оставившихъ напиравшему по пятамъ непріятелю ни кого плѣнныхъ, было въ сущности естественнымъ слѣдствіемъ необходимости наступившихъ неодолимыхъ событій? И можно ли, и должно ли, наконецъ, во вновь написанной Исторіи, которую Г. Богдановичъ считаетъ, конечно, соотвѣтствующею современному состоянію и многимъ требованіямъ науки (Предисл. стр. IV, VII), и которою онъ полагаетъ, какъ почерпнутою изъ достовѣрныхъ источниковъ, возмѣстить тотъ названный имъ пробѣлъ, за несостоятельностію всего существующаго доселѣ о 1812 годѣ въ военной литературѣ и иностранной и отечественной (Предисл. стр. IV, VII), называть это отступленіе прямымъ исполненіемъ заранѣе опредѣленнаго плана, который бы прежде всѣхъ принадлежалъ и былъ составленъ самимъ Барклаемъ де Толли за долго до войны 1812 года, какъ главнымъ его исполнителемъ, (т. I, стр. 94), долженствовавшимъ, будьто бы, еще при томъ, скрывать отъ всѣхъ эту, имъ лишь однимъ сознаваемую, необходимость отступленія, скрывать, стало быть, и отъ Государя, и отъ народа, и отъ войска?.. Гдѣ же тутъ историческая истина, почерпнутая изъ достовѣрныхъ источниковъ?

Поищемъ еще у самаго Г. Богдановича доказательствъ истины сейчасъ высказанныхъ убѣжденій, равно какъ, напротивъ, и подтвержденія той же его натяжки и невѣрности вывода отно-

сительно рожденія, развитія и исполненія собственно, такъ называемаго, плана отступленія, чему, по словамъ его, какъ первопунктной новости для читателей, и посвящена у него цѣлая глава.

(Т. I, гл. III, стр. 54): «Мѣры, принятыя Россіею для отраженія непріятелей, были замедлены войною, которую мы вели уже нѣсколько лѣтъ противъ Турокъ. Это обстоятельство не дозволило Русскимъ развить вполнѣ всѣ свои военныя средства и заставило ихъ отказаться сперва отъ наступательныхъ дѣйствій, а потомъ отъ обороны западныхъ границъ нашего отечества.» Не ясно ли высказывается сочинителемъ, во 1-хъ, что рѣшительно и не думали начать отступленіемъ, а напротивъ, во 2-хъ, что хотѣли сами наступать, или наконецъ, удержать оборону границъ Отечества? Не очевидна ли же сдѣсь и совсѣмъ иная причина, то есть, не планъ Барклая, а уже необходимость отступленія? Не понятно ли, какъ все это и разнорѣчитъ и противорѣчитъ между собою, что еще виднѣе будетъ въ послѣдующемъ объясненіи?

(Т. I, глав. III, стр. 65): «Главнѣйшая же наша ошибка состояла въ недостаточности заготовленій на верхнихъ частяхъ Двины и Днѣпра, также въ Смоленскѣ и на дорогѣ въ Москву»... Далѣе: «Произвольно начатое отступленіе надѣялись продолжать только до Двины; но когда, въ послѣдствіи, мы были принуждены отступать далѣе, тогда средства, принятыя къ продовольствію арміи, оказались недостаточными».... Гдѣ же тутъ обдуманно приводимый въ исполненіе планъ отступленія? Не самъ ли Г. Богдановичъ невольно доказываетъ и фактически подтверждаетъ неотвратимую необходимость отступленія? Мимоходомъ нельзя не остановиться на томъ обстоятельствѣ, какъ иногда теоретическія воззрѣнія расходятся съ практическими фактами. Едва ли, кажется, можно и назвать главнѣйшею нашею ошибкою, что у насъ, отъ Смоленска на дорогѣ въ Москву, не было заготовлено хлѣбныхъ магазиновъ. Въ чье же соображеніе, до начала вторженія Наполеона, могло входить отступленіе до Москвы? Вѣдь и самъ сочинитель тутъ же свѣдѣтельствуетъ противъ себя, что отступленіе надѣялись продолжать только до Двины (вѣроятно, по принятому за основаніе плану Фуля?); точно также (стр. 64 той же главы и тома) онъ, въ собственномъ воззрѣніи «на учреж-

денные въ пограничныхъ Губерніяхъ запасные магазины для продовольствія Русской арміи, на вѣроятныхъ путяхъ дѣйствій, чрезъ каждые восемь переходовъ,» вполнѣ одобряетъ, «какъ весьма основательный способъ такого расположенія;» по тому что, говоритъ, «въ ожиданіи непріятельскаго нашествія, необходимо было оставаться въ постоянномъ сосредоточеніи силъ.» Но развѣ не извѣстно, напротивъ, что на дѣлѣ то было не сосредоточеніе, а растяженіе силъ на огромнѣйшемъ пространствѣ, вдоль западной границы? А это-то и привело сочинителя (на 65-й стр.) совершенно къ противоположному заключенію, что «вообще всѣ наши начальныя заготовленія принесли мало пользы при открытіи военныхъ дѣйствій, именно по тому, что были собраны на немногихъ пунктахъ, въ слишкомъ большомъ количествѣ»... Стало быть, сперва одобренное самимъ сочинителемъ, имъ же самимъ потомъ и уничтожается!

(Т. I, глав III, стран. 66): «Но когда армія двинулась далѣе вверхъ по Двинѣ, для загражденія дороги на Москву, тогда наступилъ, на нѣкоторое время, довольно чувствительный недостатокъ; по тому что на этомъ пути не находилось магазиновъ.» Сдѣсь снова ясно подтверждается таже неизбѣжная необходимость отступленія, а не развитіе какихъ ни будь преднамѣренныхъ соображеній плана. И очевидно подпаденіе, такъ сказать, нашихъ армій первопочину въ дѣйствіяхъ непріятеля.

(Т. I, глав. IV, стран. 78): «Съ нашей стороны предполагалось открыть наступательныя дѣйствія переходомъ чрезъ границы Имперіи, какъ только непріятельскія войска переправятся на правую сторону Одера; но это намѣреніе было оставлено, какъ только пришло извѣстіе о союзномъ договорѣ между Франціею и Австріею.» Очевидно и, такъ сказать, ощутительно, что, такъ называемый и даже выставляемый за новость, планъ отступленія, вовсе не планъ, а необходимость отступленія. Но сочинитель невольно и почти самъ не замѣчая, уже высказалъ, въ приводимомъ имъ за убѣдительнѣйшее доказательство мнѣнія Князя Куракина о способѣ веденія войны съ Наполеономъ (т. I, глав. IV, стран. 80), что «необходимость отступленія внутрь страны, при дѣйствіи противъ огромныхъ силъ, предводимыхъ Наполеономъ, признавалась у насъ многими еще до начала войны.»

За чѣмъ же ему и усиливаться доказывать, что это отнюдь не было слѣдствіемъ однихъ лишь внушеній иностранцевъ, какъ, на примѣръ, Вольцогена и Кнезебека, но что главнѣйшій и первый виновникъ отступленія есть нашъ Барклай? И такъ, если бы было можно, то вѣрно бы сразились съ Наполеономъ на границѣ, не пуская его проникнуть далѣе. Это говоритъ само за себя, и тутъ нѣтъ надобности распространяться и настаивать на доказательствахъ чего либо противнаго, тѣмъ еще менѣе прославлять планъ отступленія, какъ созданіе личности, какъ произведеніе, сложившееся по опредѣленному предначертанію. Сочинитель наконецъ уже сознаетъ и симъ, въ заключеніи своего сочиненія, эту истину (т. III, глав. XLVII, стран. 398, заключен.), что «наши военачальники видѣли необходимость отступать,» сопоставляя, впрочемъ, тутъ же рядомъ другую. мнѣ кажется, вовсе странную и даже непонятную мысль: «но увлекались безотчетнымъ желаніемъ положить предѣлъ вторженію непріятеля».... Уже ли можно не отдавать себѣ отчета въ этомъ живомъ, горячемъ патріотическомъ желаніи? Стало быть, по этому выводу сочинителя, и естественнѣе, и похвальнѣе было желать дальнѣйшаго вражескаго вторженія, смотрѣть на это хладнокровно и продолжать равнодушно вести (но до куда же, наконецъ?) эту прославляемую Барклаеву, будьто бы, систему отступленія?

Повелѣніе «1-й арміи отступать къ Свенцянамъ, а Князю Багратіону и Платову дѣйствовать рѣшительно во флангъ непріятелю» (т. I, глав. IV, стран. 129), ясно показываетъ, что предметомъ его были отпоръ и даже наступленіе, а отнюдь не отступленіе по предначертанному плану.

«Переправа непріятеля чрезъ Нѣманъ не могла быть для насъ неожиданна, но въ нашей Главной Квартирѣ не полагали, чтобы Наполеонъ предприпялъ ее такъ скоро; еще менѣе думали, чтобы ему удалось переправить въ нѣсколько часовъ болѣе 200,000 человѣкъ. Вообще же наши распоряженія въ это время были нерѣшительны и несвоевременны: не прежде 3-го Іюня предписано корпуснымъ командирамъ принять мѣры для вывоза запасовъ, либо для истребленія тѣхъ, которыхъ, въ случаѣ отступленія, нельзя было увезти съ собою; не прежде 12-го Іюня приказано отправить изъ Вильны архивы, казну» и проч.

(того же тома и главы стран. 132). Тоже положительное подтвержденіе доказательствъ истины, что отступленіе было естественною необходимостію, а не исполненіемъ и развитіемъ обдуманнаго и предначертаннаго плана.

Далѣе (стр. 133 и 134): «Въ то время, когда мы уже принуждены были отказаться отъ наступательныхъ дѣйствій, и когда растянутое наше расположеніе не позволяло намъ и думать о защитѣ нашихъ границъ, Барклай писалъ Князю Багратіону: «Надѣюсь, что Богъ помилуетъ насъ отъ отступленія.» Слѣдствіемъ того была недовѣрчивость войскъ къ своему Главнокомандующему» и проч... Въ отзывѣ, отправленномъ имъ къ Князю Багратіону, по утру 12-го Іюня, онъ писалъ: «Если 1-я армія не будетъ имѣть возможности вступить съ выгодою въ бой подъ Вильною, то, соединившись съ корпусами Витгенштейна и Дохтурова у Свенцянъ, можетъ быть примемъ тамъ сраженіе, и, если позволятъ обстоятельства, то пойдемъ отъ Свенцянъ атаковать непріятеля».... Сдѣсь невольно и убѣдительно выказывается на видъ обстоятельство, что мысль дѣйствовать наступательно не была лишь мечтою несбыточною, а, напротивъ, стояла въ главѣ дѣйствій, и что собственно плана отступленія, какъ рѣшительнаго, такъ сказать, ультиматума, для Барклая не было. Возможно ли, и по какимъ же именно достовѣрнымъ источникамъ, допустить и признать съ сочинителемъ за историческую истину, чтобы Главнокомандующій арміею, предъ лицомъ своего Государя, предъ лицомъ всего войска, не нудимый еще и критическими обстоятельствами, сообщая свое письменное мнѣніе и предположенія Главнокомандующему другой арміи, для сообразныхъ дѣйствій, что онъ не надѣется отступать, что расположенъ принять сраженіе, что даже не прочь и самъ атаковать непріятеля, возможно ли, говорю, допустить, что подъ этѣмъ надобно понимать и разумѣть все совершенно обратно? Стало быть, Барклай писалъ все это такъ, лишь для вида, а убѣжденъ былъ и думалъ произвести рѣшительно противное? По какимъ же это законамъ логики и нравственности? Эта честная, благородная и прямодушная историческая личность, стало быть, по таковымъ объясненіямъ его историка, въ сущности скрывала лишь глубокаго Езуита, искуснѣйшаго лицемѣра, думавшаго одно, а увѣрявшаго въ другомъ,

противномъ? На чемъ же именно основалъ и изъ какихъ достовѣрныхъ источниковъ (снова предложимъ себѣ вопросъ) почерпнулъ Г. Богдановичъ всѣ свои такія утвержденія и выводы? Согласно ли это съ безукоризненною добросовѣстностію и прямотою Барклая, столь по справедливости прославляемыми самимъ же сочинителемъ? Не вредитъ ли это гораздо болѣе и Барклаю и истинѣ? Развѣ существуетъ въ такомъ противорѣчіи словъ и дѣйствій тайное, намъ не извѣстное, собственное признаніе самаго Барклая? Кто же далъ право историку, и всякому другому, и въ силу какихъ неопровержимыхъ основаній и достовѣрныхъ источниковъ, разумѣть въ письменныхъ документахъ историческихъ дѣятелей, вмѣсто положительнаго смысла, отрицательный, и гдѣ ими говорится: да, подразумѣвать и читать нѣтъ, и обратно? Вотъ сдѣсь-то, мнѣ кажется, и корень всѣхъ произвольныхъ объясненій! Допустивъ для историка такую возможность, не трудно уже будетъ располагать истолкованія событій по собственному желанію и произволу.

Очевидно теперь и, кажется, весьма уже понятно, что подобныя объясненія сочинителя составляютъ продолженіе той же натяжки и, скажу не обинуясь, ложнаго положенія, въ какое поставляютъ Барклая постоянныя идеи сочинителя, не поддающіяся, конечно, исторической истинѣ и непремѣнно стремящіяся признавать и, во что бы то ни стало, прославлять Барклая собственно героемъ какого-то, еще въ 1807-мъ году задуманнаго, плана отступленія!....

Но, напротивъ, какъ легко, просто и ясно становится для вѣрнаго уразумѣнія, если допустимъ дѣйствительную причину отступленія — естественную необходимость, невозможность стать разобщеннымъ войскамъ и сразиться съ массою сосредоточенныхъ въ числѣ 200-т. силъ Наполеона!

Къ сожалѣнію, Г. Богдановичъ не только не доказалъ того, что хотѣлъ доказать съ такими усиліями и натяжками, но, какъ это ясно изъ выше приведеннаго, впалъ еще въ неизъяснимыя противорѣчія. По тому что все, повѣствуемое имъ о дѣйствіяхъ Барклая, служитъ только къ опроверженію главной мысли его. Стоитъ лишь читателю мысленно пробѣжать

хоть вкратцѣ главное содержаніе всего разсказа и посмотрѣть: соотвѣтствуетъ ли взятая сочинителемъ тема сопровождающимъ ее доказательствамъ? Безъ сомнѣнія, въ повѣтствованіи о самыхъ дѣйствіяхъ Барклая должно бы обнаружиться, на сколько они долженствовали необходимо соовѣтствовать прежде имъ составленному плану. Что же видимъ мы въ этомъ повѣствованіи? Совершенное отсутствіе всякаго плана...Въ самомъ началѣ дѣйствій, по словамъ сочинителя (т. I, стран. 134), «Барклай неохотно приступилъ къ отступленію», и что «этотъ хладнокровный и непоколебимый воинъ не хотѣлъ уступить Вильны, не помѣрившись съ непріятелемъ.» И такъ, желалъ сражаться, а не отступать. И дѣйствительно, изъ дальнѣйшаго повѣствованія мы видимъ, что при Свенцянахъ онъ рѣшительно намѣревался или принять сраженіе, или и самъ атаковать непріятеля, и если отступилъ, то отнюдь не въ слѣдствіе предначертаннаго плана, а въ слѣдствіе необходимости. Наконецъ, подъ Витебскомъ онъ уже и не отлагаетъ своего постояннаго намѣренія вступить въ бой, и, послѣ большихъ и кровопролитныхъ авангардныхъ дѣлъ, наконецъ отваживается на генеральное сраженіе, и если не приводитъ этого своего рѣшительнаго намѣренія въ дѣйствіе, то также въ слѣдствіе неизбѣжной необходимости. Куда же дѣлся прославляемый Г. Богдановичемъ прежде задуманный планъ отступленія? Мнѣ кажется, что, принимая въ уваженіе всѣ такія дѣйствія Барклая, сочинитель скорѣе долженъ былъ поставить своею задачею только ясное и правильное изложеніе причинъ этого твердаго и непреодолимаго намѣренія нашего полководца, въ разныхъ встрѣчахъ съ непріятелемъ: сражаться съ нимъ при первой возможности. И дѣйствительно, сильная, благородная душа Барклая была проникнута горячимъ желаніемъ дать отпоръ нахлынувшему врагу, заполонившему Отечественныя области, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, была подавляема рѣшительною невозможностію исполнить это неотступное желаніе отъ преодолѣвающей силы обстоятельствъ. И такъ очевидно, что у Барклая не было п р е ж д е н а ч е р т а н н а г о и и с п о л н я е м а г о п л а н а о т с т у п л е н і я. По тому что предначертанный планъ и господствующая необходимость въ дѣйствіяхъ суть понятія, противоположныя и другъ друга уничтожающія. И вотъ по чему становится очень понятно: сочинитель, силясь совмѣстить оба такія условія въ дѣйствіяхъ Барклая, естественно впалъ въ неизбѣжное

противорѣчіе, достаточно уже выше доказанное и совершенно ощутительное.

Г. Богдановичъ, на первой же страницѣ своего «Предисловія,» поставилъ себѣ въ образецъ для подражанія сочиненіе Милютина. Но надобно сказать откровенно: найдется ли въ книгѣ Г. Богдановича хотя одна страница, которую можно бы поставить на равнѣ съ яснымъ, отчетливымъ и, при всей простотѣ, изящнымъ историческимъ разсказомъ Милютина? Сдѣсь я разумѣю собственно слогъ, а отнюдь не характеръ и критическія достоинства самаго сочиненія. Въ этомъ отношеніи не можетъ уже быть ни какого сравненія съ выставленнымъ образцомъ, если только не полная противоположность.

Не имѣя ни какого личнаго побужденія ни къ лести, ни къ осужденію, но единственно по любви къ истинѣ, я старался, въ настоящемъ разборѣ, изъ собственнаго же изложенія Г. Богдановича показать: произвольность воззрѣній, шаткость и непослѣдовательность сужденій, противорѣчіе и разнорѣчіе объясненій, крайнюю несостоятельность и нелогичность выводовъ. Но если обратиться и вообще ко многимъ другимъ, отдѣльно взятымъ изъ всего повѣствованія, разсказамъ сочинителя, то можно встрѣтить не мало подобныхъ же недостатковъ: то же колебаніе въ мысляхъ и противорѣчіе въ сужденіяхъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ излишекъ околичностей и обстоятельствъ, не принадлежащихъ къ дѣлу, и, напротивъ, въ другихъ ощутительный недостатокъ и опущеніе самонужнѣйшихъ подробностей, отсутствіе художественной группировки и живописи повѣствуемыхъ обстоятельствъ. Вниманіе читателя невольно и непріятно поражается неяснымъ и сбивчивымъ изложеніемъ побудительныхъ причинъ, имѣвшихъ вліяніе на дѣйствія военачальниковъ, такъ что самые характеры этѣхъ лицъ подъ перомъ сочинителя являются въ какихъ-то неопредѣленныхъ и смутныхъ чертахъ до такой степени, что приводятъ иногда недоумѣвающаго читателя въ сомнѣніе на счетъ воинскихъ способностей дѣятелей и скрытыхъ внутреннихъ побужденій къ предпринимаемымъ ими дѣйствіямъ. Очень понятно, что всѣ такіе недостатки должны были отразиться и въ самомъ слогѣ, въ которомъ, въ продолженіи всего повѣствованія, къ великому неудовольствію читателя, всего болѣе ощутительно отсутствіе яс-

ности, этого первѣйшаго и необходимѣйшаго условія всякаго хорошаго и въ особенности историческаго разсказа; также какъ и недостатокъ точности, силы, полноты и выразительности, составляющихъ принадлежность изящнаго повѣствованія. Вмѣсто силы мысли и чувства, въ языкѣ сочинителя господствуетъ какая-то растянутость и однообразіе выраженій, отзывающихся холоднымъ риторствомъ.

Охотно обращаясь къ суду просвѣщеннаго общества, я увѣренъ, что не найдется ни одного истинно образованнаго и безпристрастнаго лица, которое, по прочтеніи сочиненія Г. Богдановача, не раздѣлило бы высказаннаго мною мнѣнія. Каждый внимательный читатель легко убѣдится и въ томъ, что, такъ названныхъ и провозглашенныхъ, съ выходомъ книги Г. Богдановича, новаго вида и инаго характера войны 1812 года рѣшительно не существуетъ въ дѣйствительности, и что такой заманчивый, но вмѣстѣ неопредѣленный и непонятный, отзывъ очевидно принадлежитъ только къ исключительности произвольнаго вывода. Точно также для всякаго выяснится истина, что дѣйствительные историческіе факты не только не подчиняются произволу сочинителей, но идутъ прямо въ разрѣзъ съ предвзятыми идеями ихъ кабинетныхъ теорій.

Впрочемъ, нельзя не поставить себѣ въ обязанность указать на достоинство труда Г. Богдановича, преимущественно предъ обоими, предшествовавшими ему, уважаемыми сочиненіями нашихъ военныхъ историковъ, заключающееся въ приведеніи многихъ дотолѣ неизвѣстныхъ документовъ, служившихъ къ дополненію и объясненію разныхъ обстоятельствъ достопамятной Отечественной войны. Такіе новые матеріалы для любознательнаго читателя дѣлаютъ необходимою настоящую книгу Г. Богдановича, но, съ тѣмъ вмѣстѣ, конечно, возбуждаютъ и живѣйшее желаніе, чтобы послѣдующій военный бытописатель счастливѣе ими воспользовался.

**Ив. Жуковъ.**

26 Ноября, 1867.
Москва.

---

Изъ 4-й книги «Чтеній» въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ 1867 года.

Москва. Въ Университетской Типографіи (Катковъ и К°), на Страстномъ бульварѣ.